

Есть художники, имена которых становятся символом времени. Таков Сергей Яковлевич Лемешев — целая эпоха в русской музыкальной культуре. Пятьдесят лет в опере, концертах, у микрофона радио, с экрана телевидения дарит он людям высокую радость приобщения к искусству.

Голос Лемешева, солнечный, волнующий, узнаешь из тысячи других. Те, кому посчастливилось видеть и слышать его со сцены Большого театра, навсегда запомнили пылкого Ромео и сказочного Берендея, романтического Вертера и мятежного Дубровского, удалого Левко и несравненного Ленского. А разве забудется раздольная лемешевская «Метелица»?

Можно говорить о редкостном даровании певца, его артистизме, диапазоне, но хочется сказать о другом: о фанатичной преданности профессии, пронесенной через всю жизнь.

Это началось полвека назад, когда крестьянский паренек отшагал сто верст по морозу, чтобы спеть в Твери свой первый концерт. Эта преданность сцене выдержала испытание, когда зрелый мастер в расцвете сил был сражен болезнью, но не оставил сцену. И теперь, когда певцу за семьдесят, он ни на день не расстается с музыкой.

Сергей Яковлевич много и увлеченно работает на радио. Он главный консультант вокальной студии. Его можно услышать у микрофона «Юности», в радиобеседах с рабочей аудиторией, увидеть на телевизионном экране. Недавно вышли пластинки с записями романсов Чайковского, вышла в свет его книга «Путь к искусству».

...Признаться, не без робости переступила я порог квартиры на улице Горького в Москве, где живет Лемешев. Но когда навстречу вышел такой знакомый, по-юношески подвижный, голубоглазый человек, простой, добрый, обязательный, неловкость сразу прошла.

И знаете, с чего начал разговор этот признанный мастер, знавший ошеломляющую славу? Он сказал:

— Оглядываясь назад, и досадно, что многое делал не так. Сорок лет я работал ин-

ВОЛНУЯ СЕРДЦА

туитивно. Если бы начать снова! Теперь я понимаю Шаляпина, который говорил: «Если бы вернуть молодость, я показал бы им, как надо петь!»

— Сергей Яковлевич, как то гениальный Микеланджело сказал, что только к старости научился читать по слогам в своей профессии. Вы счастливый человек!

— Да, в юности мне повезло. Нашлись хорошие люди, которые угадали то, что должно было бы со мной случиться, с их помощью я добрался до консерватории.

— Выдержали нелегкий конкурс: 500 желающих на 20 мест?

— Вывезли природные данные, хотя петь я тогда не умел, даже нот не знал. Позже понял, что «дар небес» — всего лишь творческий потенциал. Нужна еще жесткая самодисциплина, самоотверженная работа. В искусстве есть закон: кто не двигается вперед, тот сходит с круга. А с таланта больше спросится. Та-

лант обязывает, говорил Станиславский.

В молодости мне довелось петь в оперной студии Станиславского. Но, к сожалению, слово в студии довелось над музыкой. Там меня учили правильно произносить текст, двигаться, общаться с партнером, но петь я там не успел научиться. Пришлось работать самому...

Когда я пришел в Большой театр, в чести были героические оперы, в которых мне, лирическому тенору, нечего было делать. Лирическими спектаклями занимались режиссеры второго плана. Так что над образами оперных героев я работал в основном самостоятельно, у себя дома. Правда, два счастливых исключения у меня были: это Ленский в «Онегине» и Альфред в «Травиате», над которыми мне довелось работать под руководством Бориса Александровича Покровского. Но в целом в опере мне не очень везло, может быть, оттого я так люблю концертную

деятельность. Тут я был сам себе хозяин. Тщательно выбирал репертуар, но никогда не брал то, что превышало мои возможности. Кстати, концерты помогали мне в оперной работе. Сто романсов Чайковского, которые я спел в цикле из пяти концертов, стали трамплином к моему Ромео — очень сложной партии.

И все же оперу я люблю очень. Знаете, есть произведения, которые в опере звучат убедительнее, чем в драме. Например, «Борис Годунов». В театре он идет редко, а с оперой обошел весь свет. Гений Мусоргского придал пушкинской драме еще большую эмоциональную силу. Некоторые сцены можно спеть так, как нельзя сказать. Но при условии, что это гениальный композитор и талантливый певец. Примерно то же случилось со «Снегурочкой» Островского. Музыка Римского-Корсакова дала возможность певцам рассказать эту очаровательную сказку выразительнее, чем могут сделать актеры. Но, повторяю, если это талантливые певцы.

— А в чем критерий таланта? Бывает, что человек наделен прекрасным голосом, а певец он плохой?

— Сколько угодно... Выйдет на сцену человек, и думаешь: ах, какой чудный голос! Но вот он спел два-три романса, и становится скучно! Почему? Да потому, что нет в нем внутреннего света, сам человек неинтересен, неталантлив, а только бог вложил ему голос. А бывает наоборот: голос у артиста вроде бы и посредственный, но вот он что-то такое произнес по-особому, по-своему, и знакомый романс вдруг засверкал, заискрился новыми интонациями. Такого певца слушаешь с удовольствием, потому что ему есть что сказать. Это главное.

Если я пел о горькой доле девушки или матери, то я их себе придумывал, представлял, обращался к ним. Много лет позже, в студии Станиславского, я узнал, что это называется объектом.

— Кто-нибудь в вашей семье принял от вас творческую эстафету?

— Моя дочь Машенька — актриса Московского камерного оперного театра. Она му-

зыкальна, пластична, у нее голос, напоминающий голос ее матери, певицы Ирины Масленниковой.

— Сергей Яковлевич, расскажите, пожалуйста, о своих последних работах на радио.

— Мы задумали и уже провели две передачи из цикла «Романсы Чайковского». Все романсы прозвучат в оригинальных, то есть в тех тональностях и для тех голосов, для которых писал Чайковский. Я веду этот цикл: рассказываю о романсе, его характере, истории создания, иногда говорю о самом исполнителе. Это большая и серьезная работа, и я ею увлечен. Очень приятно, что она получила живой отклик слушателей. Думаю, что в одной из передач отвечу на письма... Что еще? Мне нравится готовить передачи меуарного плана. Уже состоялись рассказы о Собинове, Максаковой, на очереди имена других наших великодушных певцов... Кроме всего, я консультирую вокалистов, в меру сил помогаю им повышать исполнительское мастерство.

— Вашей работоспособности позавидуют!

— Просто я стараюсь не выходить из рабочего режима, насколько мне это позволяет здоровье. Продолжаю тренировать голос, ибо если я надолго замолчу, то потом трудно его расшевелить, сделать так, чтобы он слушался меня, звучал.

— Если можно, Сергей Яковлевич, поделитесь с читателями вашими ближайшими планами.

— Очень скоро, второго февраля, в Колонном зале состоится открытый концерт с симфоническим оркестром. В нем примут участие певцы, которых я консультирую, и я буду выступать вместе с ними. В этом, если хотите, и есть преемственность поколений, творческая эстафета. Для меня этот концерт вдвойне знаменателен: он совпадает с пятидесятилетием моей специальной деятельности.

Вела беседу
Е. СУМЛЕНОВА

На этой неделе (воскресенье, 2 февраля, 1 программа, 19.30) вы услышите концерт из Колонного зала Дома союзов с участием народного артиста СССР С. Я. Лемешева.